

*Всем тем, кто испытал боль,
но отважился надеяться, осмелился прощать,
рискнул жить.*

*Вы — доказательство того, что
свет всегда одержит победу.*

Ремарка

Моя кровь — это мое преступление.

Взгляните, она все еще красная. Прикоснитесь, она все еще влажная. Но если вы вслушаетесь, то услышите: она произносит единственное имя в пульсирующем гимне.

Романова.

Романова.

Романова.

Только из-за этого имени, связанного с моей кровью узами, подобными тем, которыми большевики связаны с русской революцией, мне предрешена смерть.

Потому что даже кровь царей не способна остановить пули.

**25 апреля 1918 года
Тобольск, Россия**

Я смотрела, как сгорают мои дневники.

Страницы сворачивались сами по себе, корчились как паучьи лапки, принимая смерть. Мое прошлое, мои истории оборачивались пеплом и завитками дыма. Но я не стану их оплакивать. Большевики могут отнять у меня нечто гораздо более ценное. Я не отдам им своих слез.

Я подтолкнула еще один дневник в белую изразцовую печь, занимавшую угол спальни, которую здесь, в Тобольске, предоставили мне и трем моим старшим сестрам. Здесь — значит в ссылке. Из дневника выскользнула заложенная между страниц фотография, словно в последней попытке избежать своей участи. Я подняла черно-белый портрет.

Усталые, прикрытые тяжелыми веками глаза, длинная темная борода, волосы, тщательно разделенные на прямой пробор. Григорий Распутин. Наш друг. Наш мастер заклинаний. Он лечил Алексея, наставлял маму и собирался учить колдовскому искусству меня... пока

они не убили его. Большевики расстреляли его с той же легкостью, с какой опрокидывали в себя рюмку водки в конце дня. Или в его начале, в зависимости от того, сколько крови обаграло их руки.

Теперь они шли за нами.

Я бросила фотографию Распутина в огонь. Это фото, больше чем что-либо другое, может доставить мне неприятности, если приближающиеся большевики устроят обыск. Свидетельство нашей связи с мастером заклинаний сослужит нам плохую службу. Чтобы осудить папу, подойдет любая причина, и неважно, что он уже отрекся от престола.

Я схватила с прикроватного столика книгу по колдовскому искусству и затолкала ее на нижнюю полку маленького книжного шкафа вместе с другими томами. Она была на немецком языке, которого, вероятно, наши русские конвоиры не знают, и вложена в обложку от народных сказок. И все же они найдут ее, если хорошенько постараются.

«Цок, цок, цок» — донесся из коридора стук каблуков папиных сапог. Звуки миновали мою дверь, замерли, затем вновь приблизились. Дверь открылась, и показалось папино обрамленное усами и бородой лицо. Он спокойно обратился ко мне:

— Настя, они уже здесь.

Я захлопнула печную заслонку и поднялась. Папа держался прямо и царственно, несмотря на невысокий рост. Бок о бок мы прошли по холодному до озноба коридору. В тишине. Бывший царь и бывшая княжна. Мы миновали комнату Алексея, и я заглянула туда. Мой тринадцатилетний брат, худой и изможденный, лежал в постели: кожа пожелтела, глаза

походили на темные озера, скулы впали. Он даже не взглянул на нас.

Мои кулаки сжались сами собой. Я исцелю его. Неважно, убьют ли большевики всех магов, если смогут отыскать, или отошлют нас обратно в Санкт-Петербург. Я все равно овладею колдовским искусством и найду способ излечить Алексея.

Из прихожей донесся шум, и я сосредоточилась. Напряжение, вызванное прибытием большевиков, усугублялось тревогой, потому что мы не знали, что нас ждет.

В прихожей уже были наши конвоиры — те, с которыми за минувший год мы успели подружиться. Мы остановились, и ноги погрузились в ворс выдавшего виды ковра.

В дверном проеме стоял незнакомец, заполняя его огромной тенью. Он был высок, бледнокож, с черными глазами, угловатым лицом и копной выющихся темных волос. Я сталкивалась с подобным типажом раньше, на тех немногих роскошных балах и приемах, которые мама разрешала нам посещать. Такие люди вечно раздуты от собственной важности. Обычно так себя держат обожающие интриги великие князья или политики, больше интересующиеся восхождением по карьерной лестнице и приумножением власти, чем танцами или беседами.

Почему-то я им никогда не нравилась.

Покоробившиеся окна, выходящие во внутренний двор, искажали, но не скрывали шеренги солдат, стоявших по стойке «смирно» в ожидании. Наши цыплята клевали их обувь, вырывая кусочки серого войлока.

Большевики даже не моргали. Должно быть, их при- было больше сотни! Зачем так много?

Папа широко шагнул к темноглазому человеку и протянул руку для приветствия.

— Добро пожаловать в Тобольск, командир.

Тот не ответил на рукопожатие, вместо этого гром- ко объявил:

— Меня зовут Яков Юровский. По приказу Цен- трального комитета имени Ленина семья Романовых подлежит переселению.

Переселению? Возможно ли, что они собирают- ся отправить нас домой? Мы были спрятаны в этом тесном домишке целый год, не имея возможности по- бывать в городе или подышать свежим воздухом долъ- ше, чем жалкий час-другой в день. Мне не терпелось снова вволю побродить по лесу, насобирать опят, раз- мяться... попрактиковаться в магии.

Затаив в душе крохотный огонек надежды, я ждала дальнейших объяснений.

Не дождавшись ответного приветствия, папа опу- стил руку и невозмутимо поинтересовался:

— Куда?

— Это еще предстоит решить. — Ровный голос Юровского погасил во мне едва затеплившуюся ис- корку надежды.

— Когда? — задал вопрос папа.

— Незамедлительно.

Мама сидела в глубине комнаты, завернувшись в толстые шерстяные одеяла. Вопреки недомоганию суровое выражение не сходило с ее лица. Она выпря- милась в кресле.

— Но наш сын слишком болен, чтобы путешествовать.

— Мне приказано немедленно переселить бывшего царя. — Юровский щелкнул каблуками, грязь с его сапог брызнула на ковер у входа. — Остальные члены семьи меня не интересуют.

Я ахнула, звук эхом пронесся через все помещение, заставив Юровского взглянуть прямо на меня. Он собирается забрать папу без нас? Единственное утешение во время изгнания заключалось в нашей сплоченности. Наша сила — в семье. Узы крови Романовых удерживают нас от отчаяния.

Пожалуйста. Пожалуйста, нет.

Папа вскинул подбородок, и конвоиры, вошедшие в комнату, казалось, вытянулись по струнке из уважения к нему. Он будто снова стал царем.

— Я не расстанусь со своей семьей.

— Тогда вас увезут силой. — Юровскому не нужно было указывать на отряд снаружи. Мы оказались в меньшинстве. — Вы можете взять с собой сопровождающих, но мы уезжаем к утру. Остальные члены вашей семьи могут последовать за вами, как только мальчик... почувствует себя лучше. — Он словно хотел сказать «умрет». Непроизнесенное слово тяжело повисло в комнате.

Увозят. Завтра. Силой.

Приказ Юровского обсуждению не подлежал. Мое самообладание выскользнуло словно сквозь пальцы. Чувства рвались наружу пронзительным воплем. Не может быть, что нас разлучают! Зачем? Для чего понадобилось увозить папу с такой срочностью? Да еще и не сообщив нам, *куда именно?*

Юровский развернулся на каблуках и обратился к трем большевистским солдатам :

— Проследите за сборами.

Обыска не было. Я зря сожгла дневники. Вместо этого они разрывали на части нас. С учетом болезни Алексея и пошатнувшегося здоровья мамы... возможно, мы последний раз вместе.

Вероятно, папа ощутил растущее во мне возмущение, потому что подхватил меня за локоть и повлек прочь.

— Пойдем, Настя.

— Они не могут разлучить нас! — прошипела я, едва мы оставили конвоиров позади. — Ты им не позволишь!

— Мы не в том положении, чтобы спорить.

— Но куда? Куда они отсылают тебя?

— Наверное, в Москву, на суд.

Мой гнев пылал ярче, чем страницы сожженных дневников.

— Будь прокляты эти большевики! Мне следовало бы продырять подошвы всех их сапог!

— Вот почему *ты* должна остаться, Настя, — улыбнулся в усы папа. — Чтобы подбадривать всех своими проделками.

Я остановилась как вкопанная.

— Я должна остаться?! — *Он уже все решил?*

— Мне нужно, чтобы ты кое-что здесь сделала...

— Николай... — Мама догоняла нас быстро, но не теряя самообладания. Ее тревогу выдавали лишь хрупкие пальцы, сжимавшие потрепанный носовой платок. Папа подошел к ней.

Я тяжело зашагала прочь от них, от боли, предоставляя отцу возможность действовать как должно и принимать решения, требовавшие полной концен-

трации. Жаль, что ни одно из них не предусматривало склеивания моего разбитого сердца.

Но не только у меня оно обливалось кровью. Нам всем предстояло нести эту боль.

Я пришла в себя уже в комнате Алексея, сидя у его постели, в то время как он кашлял — слабое, тяжело дышащее создание.

Но это значительно лучше, чем мучительный отрывистый и сухой кашель, который на прошлой неделе стал причиной кровотечения и дал осложнение на почки.

Алексей и раньше шел рука об руку со смертью. Гемофилия никогда не обещала ему долгой жизни. Но когда Распутин еще был жив, он мог исцелить раны Алексея одним-единственным словом, даже из другого города, по телефонной линии.

Теперь же ничто не могло спасти брата, за исключением его собственного желания жить.

Это изменится, если я смогу больше узнать о колдовстве. Мне не терпелось взять немецкую книгу заклинаний и прочесть ее прямо под носом большевиков.

Кашель Алексея утих, и он взглянул на меня, слегка прищурив запавшие глаза.

— У тебя мрачный вид.

Я улыбнулась, успокоенная родным человеком, который понимал: шутка может прогнать даже самые тяжелые мысли.

— Это потому что ты разлеился и валяешься в постели, а мне приходится выполнять все твои обязанности по дому.

— Счастливая. Ленишься невообразимо скучно.— Брат подмигнул, но это выглядело натянуто, он ка-

зался уставшим. — Ты, наверное, уже успела уморить моих бедных цыплят.

— Они плотно позавтракали обувным войлоком.

— Бедные создания. Быть под твоей опекой — страшное дело. — Он указал подбородком на дверь. — Что там происходит? Я знаю, большевики пришли, но мне никто ничего не сказал.

Всегда, когда Алексей болел, семья старалась не вести с ним бесед на тяжелые темы. Я понимала их стремление — безысходность способна повлиять на его волю к жизни и даже повергнуть в уныние, что замедлит излечение.

Но между мною и братом царило полное взаимопонимание, и мы никогда не скрывали истинного положения дел друг от друга. Мы понимали, что неведение приводит в отчаяние со значительно большим успехом, нежели тяжесть мрачных размышлений.

— Они увозят папу.

Алексей, которому вместе с солдатами доводилось бывать на передовой, когда папа еще был царем, воспринял это известие с глубоким вздохом. От этого он закашлялся, и я протянула ему стакан воды с прикроватного столика.

— Что... а что со мной? — в конце концов ему удалось это выговорить. — Я тоже должен ехать. Я царевич.

— Ты недостаточно хорошо себя чувствуешь. — Я с трудом сдержала дрожь.

Лицо Алексея окаменело и приобрело решительное выражение. Он весь напрягся.

— Пока нет. Но буду.

Вот поэтому из него получился бы прекрасный царь.

— Вероятнее всего, они отправят его в Москву, на суд. Папа уедет завтра, а мы последуем за ним, как только тебе станет лучше. — Я сурово взглянула на него. — Командир большевиков думает, что ты умрешь. Ты должен выжить, чтобы плюнуть ему в лицо.

Из коридора донесся папин голос. Я стремительно вскочила на ноги и поспешила наружу, но прежде уловила шепот Алексея:

— Возвращайся и все мне расскажи.

Папа и Мария, которая была всего двумя годами старше меня и с которой мы обычно проказничали, тихонько беседовали в холле. Лицо ее выглядело бледным в обрамлении длинных каштановых волос, но она отважно кивнула и направилась в нашу комнату.

Я поспешила оказаться рядом с папой.

— И что ты решил?

— Твоя мама присоединится ко мне, — наконец сказал он. — Мария поедет в качестве ее сопровождающей.

Не я.

Должно быть, он смог разглядеть смирение на моем лице, потому что коснулся ладонью моей щеки, и я не смогла сдержать слезы.

— В мое отсутствие домашним хозяйством будет заниматься Татьяна. У тебя другая задача.

Итак, решение было принято. Вот так просто. Словно хирург раскроил мое сердце на две части, и теперь оно билось в рваном ритме. Все случилось слишком быстро. Меня хотели оставить. Здесь, среди незнакомцев и врагов.

Я вцепилась в его рукав.

— А другого выхода нет?

Моя мольба с таким же успехом могла быть обращена к охранникам в коридоре. Но у меня не было причин скрывать свою любовь к семье.

В ответе папы прозвучало такое же отчаяние.

— Я его не вижу, Швыбзик*. — Он повел меня по коридору подальше от охранников. — Когда Алексей поправится достаточно, чтобы перенести путешествие, вы с сестрами последуете за нами.

Я открыла рот, чтобы возразить — мне нравилось спорить, — но папа вдруг задал вопрос, казалось бы, не относящийся к обсуждаемой теме:

— Когда ты в последний раз читала рассказы Пушкина?

Мой рот резко захлопнулся, как у Щелкунчика. Пушкин. *Пушкин*. Прошло несколько мгновений, словно он хотел убедиться, что я поняла скрытый смысл тихого вопроса. Так много семейных разговоров в эти дни состояло из тайных сообщений и шифра.

Пушкин означает «секреты».

Слезы высохли. Я не смогла сдержать лукавой усмешки.

— Как раз сегодня собиралась прочитать один из них. — Как только он уедет, проберусь в библиотеку и отыщу тот секрет, который он спрятал для меня.

Папа оглянулся. Охранников в поле зрения не было. Мы остановились.

— Настя, ты лучше всех разбираешься в заклинаниях. Я не доверял Распутину так, как мама, но знаю,

* В оригинале: shvibzik. Прозвище великой княжны Анастасии Романовой. — *Здесь и далее — прим. пер., если не указано иное.*

что он учил тебя и, скорее всего, делал это хорошо. — Тайным шифром мы больше не пользовались.

— У него было время только на то, чтобы показать мне основы. — *И даже их егва-егва.*

— Но это больше, чем знают твои брат и сестры. Вот почему ты должна сохранить семейную матрешку и привезти ее с собой, когда вы присоединитесь к нам.

У меня перехватило горло. Тринадцать лет назад мне довелось наблюдать, как они с мамой открыли эту раскрашенную игрушку и выпустили запретное заклинание, которое помогло Алексею. С тех пор я куклы не видела.

— Ее сделал Дочкин.

Василий Дочкин, самый уважаемый и умелый маг в России.

— Да. Не дай большевикам завладеть ею.

В моей голове лихорадочно метались вопросы и ответы. После Распутина люди стали с особым подозрением относиться к магам, убежденные, что те способны контролировать чужие мысли. С тех пор как началась революция, вынудившая папу отречься от престола, колдунов выслеживали одного за другим.

— Большевики могут использовать матрешку, чтобы найти Дочкина и убить его, — предположила я. — Я должна его защитить.

Революционеры были глупы. Они многого не знали о магах. Заклинания старых русских мастеров сейчас надо было хранить в тайне. Мне нравились тайные вещи.

— Не потому я доверяю ее тебе. — Папа вновь оглянулся. — Эта матрешка, Настя, бесценна. Возможно, она единственное спасение нашей семьи.